

Слѣды древнихъ вѣрованій въ народномъ иконопочитаніи.

До сихъ поръ простой народъ во многихъ мѣстахъ называетъ иконы „богами“, а полку, на которой помѣщаются иконы, „божницею“. „Всѣхъ боговъ съ божницы сниметь“, говоритъ народная пословица о человѣкѣ, который любитъ кстаги и не-кстаги „призывать имя Божіе все“. „Нечего молиться тому богу, который не милуетъ“, «всѣмъ богамъ по саногамъ» и т. под. поговорки до сихъ поръ существуютъ въ устахъ народа, хотя, въ строгомъ смыслѣ, и не приурочиваются уже къ иконамъ.

До сихъ поръ народъ покупку иконы не называетъ покупкою, а „мѣною“, хотя, въ большинствѣ случаевъ, и „вымѣниваетъ“ иконы на деньги: понятіе о богѣ и о куплѣ, очевидно, не совмѣщается въ умѣ нашего народа, какъ не совмѣщалось оно во времена язычества. На послѣднее указываетъ то, что кошка, эта любимица домашнего, до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда не покупается, а „вымѣнивается“, причѣмъ въ обмѣнъ за нее даются двѣ копейки.

Купленные или „вымѣненные“ иконы народъ ставитъ въ божницы, деревянные полочки, помѣщенные въ переднемъ, „красномъ“ углу. Порогъ и очагъ пли печка и мѣсто у послѣдней — „кутъ“, служившіе въ глазахъ язычника мѣстомъ обитанія домашнихъ духовъ, уступили отчасти свое священное значеніе „красному“ углу. Въ „красномъ“ углу совершается ежедневная трапеза престолюдина, въ красномъ углу садится глава дома и почетный гость (не даромъ говоритъ пословица, что „въ переднемъ углу сидятъ попы, да дураки“, т. е. люди почетные, или люди честолюбивые, глупые), въ красный уголъ кладется и покойникъ, причѣмъ голова его обращается неизмѣнно къ иконамъ, въ красный уголъ, наконецъ обращается и изголовье постели. Вмѣстѣ съ иконами въ божницахъ находится и другіе предметы, пѣющіе въ глазахъ престолюдина священное значеніе: богоявленская вода, освященная верба, пучки троицкихъ березъ, а также книги божественныя: Псалтирь, Сонъ Богородицы, Страсти и т. д. Иконы украшаются, нерѣдко разноцвѣтными ленточками, такія ленты и ленточки во многихъ мѣстахъ кладутся на особенно чтимыя народомъ иконы, находящіяся въ церквяхъ и часовняхъ. Обычай этотъ, очевидно, остатокъ сѣдой старины, когда предки наши поклонялись „душинамъ древянымъ, вѣтви убрुцемъ обвѣшивающе“ (Житіе великаго князя Константина Муромскаго). Это украшеніе мѣстно-чтимыхъ деревьевъ „убрусцами“ и лентами сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и донинѣ. Такъ, напр., въ с. Ильинскомъ въ Лугахъ, Трушковской волости ¹⁾ существуетъ священная роща и источникъ. Ежегодно въ Ильинъ день (20 Іюля) совершается на послѣдній крестный ходъ, а деревья, окружающія его, обвѣшиваются цвѣтными лоскутками и лентами. Цвѣтныя ленты до сихъ поръ употребляются при завиваніи вѣнковъ въ Троицынъ день, такими же лентами украшается и „дѣвья красота“ — небольшая елочка, фигурирующая въ мѣстныхъ свадебныхъ обрядахъ ²⁾.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „божницы“ занавѣшиваются занавѣскою, завѣшиваются преимущественно во время пиршествъ, пляски и другихъ развлеченій. Сидѣть въ комнатѣ, гдѣ есть иконы, въ шалкѣ, свистать въ этой комнатѣ—считается грѣхомъ. Все это, конечно, происходитъ изъ глубокаго уваженія престолюдина къ святинѣ, но многое изъ этого имѣетъ въ основѣ своей языческую подкладку, какъ, напр., завѣшиваніе иконъ или повѣрье о предосудительности свистанія на губахъ въ домѣ: свистать въ домѣ не слѣдуетъ, по мнѣнію крестьянъ Вологодской губ., потому, что этотъ свистомъ можно напугать и высвистать изъ дома домашнего, этого хранителя домашняго благополучія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ помѣщаетъ небольшія иконы или образки надъ воротами, чтобы предохранить все домашнее строеніе отъ нечистой силы. Перехода изъ

¹⁾ Ярославской губ. Пошехонскаго уѣзда. Тр. Яр. Стат. Ком. 1865 г. Яр. Губ. Вѣд. 1889 г. № 1.

²⁾ См. ст. «Крестьянская свадьба въ Пош. уѣздѣ». Труды Яросл. Стат. Ком. 1865 г.

старого дома въ новый, прежде всего стараются перенести въ новый домъ иконы, (переходять, по преимуществу, ночью).

Не смотря на то, что число святыхъ, чтимыхъ Русскою церковью, весьма велико, число иконъ, которыя особенно чествуются народомъ, сравнительно не значительно. Чаще всего въ крестьянскихъ домахъ можно встрѣтить изображенія Спасителя, Богоматери, великомученика Георгія, Власія, Зосимы и Савватія, Иоанна Боголова и Иоанна Крестителя, Николая Чудотворца, Космы и Даміана, Параскевы и др. Такое предпочтительное почитаніе однихъ святыхъ предъ другими объясняется тѣмъ, что на вышеозначенныхъ святыхъ перенесенъ былъ народомъ культъ нѣкоторыхъ языческихъ боговъ. Илья Пророкъ замѣнялъ собою бога громовника, святой Власій—Волоса и т. д. ¹⁾ Объ этомъ было много говорено въ нашихъ специальныхъ изслѣдованіяхъ по русской мнелогіи, говорено было лицами болѣе насъ компетентными, и говорить по этому поводу что либо еще мы считаемъ совершенно излишнимъ. Замѣтимъ только, что изъ всѣхъ перечисленныхъ нами святыхъ особенно чествуются въ Пошехонскомъ уѣздѣ св. великомученикъ Георгій, Николай Чудотворецъ, Параскева—Пятница, Илья пророкъ, Иоаннъ Креститель.

Замѣнивъ прежнихъ языческихъ боговъ, съ принятіемъ христіанства, христіанскими святыми, наши предки, какъ уже мы сейчасъ сказали, перенесли отчасти на почитаніе послѣднихъ языческой культуры первыхъ: слѣды этого культа видны во многихъ народныхъ повѣрьяхъ, соединенныхъ съ иконопочитаніемъ. Дастъ трещину икона или упадетъ на полъ—въ домѣ будетъ покойникъ или случится съ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ несчастье. Параллельно съ этимъ существуютъ повѣрья несомнѣнно языческаго происхожденія, повѣрья однородныя съ вышеприведеннымъ: трещить стѣна—въ домѣ будетъ покойникъ, дастъ трещину столъ, въ которомъ, замѣтимъ, наши крестьяне постоянно держатъ хлѣбъ, имѣющій въ глазахъ простолюдина священное значеніе ²⁾—въ домѣ будетъ покойникъ или случится съ домашними несчастье. Если горитъ во время пожара забытая въ домѣ икона, то, по народному повѣрью, во все время, пока горитъ эта икона, среди пламени пожара выдѣляется ясно огненный столпъ на подобіе гигантской свѣчи. Точно такой же столпъ является и тогда, когда горитъ во время пожара человекъ. Очевидно, что въ первомъ повѣрью, точно такъ же, какъ и въ обычаѣ завѣшивать иконы во время пиршествъ, чтобы тѣ не «видали» грѣховныхъ людскихъ разлеченій, отразился прежній языческой антропоморфизмъ.

Къ слову замѣтимъ, что икона Пресв. Богородицы Неопалимой Купины считается охранительницей отъ пожаровъ, особенно отъ пожаровъ, происшедшихъ отъ молніи.

¹⁾ См. Поэт. возр. Слав. на прир. Афанасьева. 1483 — 484. «О нар. праздникахъ въ юго-зап. Россіи». Тр. Киев. Духовн. Академіи 1871 г. стр., 5.

²⁾ Дѣлать хлѣбъ на полъ, по мѣтню простолюдина, грѣхъ, ѣсть ого въ шалкѣ тожъ грѣхъ. «На хлѣбъ суда нѣтъ». Народъ объясняетъ эту поговорку такъ: человекъ, убившій другого человека караемъ хлѣба, не дастъ отвѣта предъ Богомъ. (Сомнительно. Ред.). Крестьянка никогда не скажетъ «дѣлать хлѣбы», а всегда—«творить» хлѣбы; самое дѣйствіе это совершается постоянно съ молитвою, какъ священнодѣйствіе.—«Творить въ этомъ случаѣ не имѣетъ вовсе того значенія, какъ е ему приписываетъ авторъ: творилка — квашня, творило, творило (у другихъ Славянъ—сыръ), творогъ, растврь, растворять достаточно объясняютъ, что тутъ разница между слов. дѣлать и творить заключается не въ высотѣ и низости стили или предмета, о которомъ идетъ рѣчь.—Вѣрующій человекъ всякую вообще работу начинать и кончать молитвой (какъ бы она не называлась) и не у однихъ христіанъ. Да и при рѣчи о суевѣріяхъ народныхъ (напомнимъ мудрое замѣчанье Гете: «суевѣріе есть поэзія жизни») не надо забывать, что основы вѣры и богочитанія глубоко коренятся въ духѣ человеческомъ и въ сущности общи всѣмъ народамъ и племенамъ во всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія, при всѣхъ религіяхъ. По этому не всякое сходство въ проявленіи чувства вѣры у христіанъ съ выраженіемъ чувства вѣры въ другихъ религіяхъ свидѣтельствуетъ уже о совершенномъ непониманіи человекомъ или народомъ ученія христіанскаго. Но на религіозномъ индифферентизмѣ и презрѣніи къ чувству вѣры, какъ отжившему свое время предразсудку, а на вынемъ и на разумномъ началѣ, на признаніи всѣхъ силъ и сторонъ человеческого духа основано высокое чувство терпимости и уваженія къ чужимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ. И чѣмъ они искреннѣе, при всей ихъ наивности или односторонности, тѣмъ внимательнѣе и бережнѣе нужно къ нимъ относиться, чтобы вырывая плевелы, не затоптать пшеницы». Ред.

на крестъ лучинками, чтобы въ нихъ не попала мышь, которая, какъ и всѣ гады, наравнѣ съ червями и гусеницами, служить представительницею царства тьмы. „Крестъ на крестъ, чтобы чертъ не влѣзъ“ — поговорка, существующая доселѣ въ устахъ простаго народа. По общераспространенному народному повѣрью, не слѣдуетъ никогда купаться безъ шейнаго креста: въ противномъ случаѣ легко можно сдѣлаться добычею водяника. Спать безъ креста тоже не слѣдуетъ, потому что въ даинномъ случаѣ спящаго давить кошмаръ, т. е. душитъ домовой.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестъ или икона употребляется для того, чтобы узнать, въ какомъ мѣстѣ рѣки находится тѣло утопленника. Если человекъ утопнулъ и долго не могутъ найти тѣло его, то въ этомъ случаѣ берутъ горшокъ, до половины насыпаютъ его горящими угольями, въ угли насыпаютъ ладону, къ горшку привязываютъ крестъ или икону и опускаютъ такой горшокъ на воду.

По народному повѣрью, горшокъ этотъ будетъ кружиться по водѣ и плавать до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до того мѣста, гдѣ лежитъ утопленникъ: здѣсь онъ будетъ кружиться на одномъ мѣстѣ или даже остановится совершенно неподвижно.

Перечисливъ суевѣрія и предрасудки, соединенные съ иконопочитаемъ, мы замѣтимъ въ заключеніе, что вѣра престолюдина тѣсно связана съ суевѣріемъ; даже самый актъ молитвы и тотъ обставляется суевѣрными и предрасудками. Становясь на молитву, престолюдинъ плотно сдвигаетъ свои ноги, такъ какъ, по его мнѣнію, между раздвинутыми ногами будетъ бѣгать бѣсъ и тревожить молящагося. Слагая крестное знаменіе, престолюдинъ первоначально дунетъ на персты, чтобы согнать сидящаго на нихъ бѣса.

А. Баловз.

Г. Пошеховъ, Ярославской губерніи.

Къ вопросу о религіозныхъ вѣрованіяхъ и культѣ Черемисъ.

И. Н. Смирновъ, профессоръ Казанскаго Университета, въ своемъ трудѣ: „Черемисы. Историко-Этнографическій очеркъ. Казань 1889 г.“ въ главѣ V-й сказавши о томъ, что Черемисы поклонялись бездушнымъ предметамъ, боготворили камни и что одинъ изъ такихъ камней подъ названіемъ: „Чембулатъ“ былъ разрушенъ по распоряженію духовнаго начальства, заключаетъ: „Какъ бы ни было низко умственное развитіе Черемисъ, мы не въ правѣ предположить, чтобы они обращались со своими мольбами къ безжизненному камню, который находится весь въ ихъ власти. Они предполагаютъ очевидно, что въ камнѣ есть духъ, который, подобно другимъ духамъ, можетъ быть полезенъ или вреденъ. На томъ же соображеніи основано поклоненіе другимъ бездушнымъ, по нашимъ воззрѣніямъ, предметамъ. Въ Уржумскомъ и Яранскомъ уѣздахъ приносятъ жертвы горному духу (курукъ — ширтъ)“. Какъ возникали у Черемисъ горные духи и учреждалось поклоненіе неодушевленнымъ предметамъ, отчасти поясняетъ Московскій протоіерей Покровскій, который былъ отправленъ миссіонеромъ въ Вятку въ 1829 году и который настаивалъ на разрушеніи вышеупомянутаго камня Чембулата¹⁾. Въ своемъ донесеніи митрополиту Московскому Филарету отъ 24-го Января 1830 года, вслѣдъ за сообщеніемъ о своей поѣздкѣ для разрушенія священнаго для Черемисъ моста, протоіерей Покровскій сообщаетъ интересныя свѣдѣнія, которыхъ мы не нашли ни въ книгѣ г. Смирнова, ни въ нижеуказанномъ Сборникѣ. „Въ густотѣ дремучаго лѣса, на берегу рѣки Немды находится высокая гора, которая со стороны рѣки такъ крута,

¹⁾ См. Столѣтіе Вятской губерніи. 1780—1880. Вятка. 1881 г. стр. 544—551. Отчетъ о дѣятельности миссіонера прот. Покровскаго.